

И.Х. Озеров

**Очерки экономической и
финансовой жизни России и
Запада**

Выпуск 2

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.Х. Озеров**
Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада: Выпуск 2 / И.
Х. Озеров – М.: Книга по Требованию, 2021. – 472 с.

ISBN 978-5-519-26964-3

Сборник статей.
Очерки экономической и финансовой жизни России и Запада.
Выпуск 2

ISBN 978-5-519-26964-3

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

О нѣкоторыхъ задачахъ университетскаго преподаванія общественныхъ наукъ¹⁾.

Задача научныхъ занятій—*научиться научно мыслить, научиться работать, самостоятельно творить*. Дѣло не въ томъ, чтобы пріобрѣсти и удержать въ головѣ возможно большее количество фактовъ... Люди не справочная энциклопедія, не амбары для складыванія фактовъ, а способны на нѣчто большее...

Когда занимаются химіей, то дѣло вовсе не въ томъ, чтобы учащійся пріобрѣлъ извѣстный комплексъ знаній, извѣстное количество химическихъ формулъ, а дѣло въ томъ, чтобы онъ самъ умѣлъ произвести тотъ или другой анализъ... Какой же онъ будетъ химикъ, если, получивъ въ руки новое вещество, не будетъ знать даже, какъ приступить къ нему съ анализомъ... Для этой цѣли у химиковъ есть лабораторіи, и каждый долженъ продѣлывать извѣстный циклъ работъ; при желаніи онъ научается овладѣвать рядомъ простѣйшихъ операций и, поступивъ на фабрику, конечно, сумѣетъ приняться за дѣло.

У насъ въ экономическихъ наукахъ нѣтъ даже однообразныхъ формулъ. Въ химіи, къ какому направленію ни принадлежалъ бы лекторъ, все равно онъ будетъ давать вамъ составъ того или другого тѣла одинъ и тотъ же; а вы возьмите понятія: регалии, пошлины, цѣнности—вѣдь это столь же элементарныя понятія, какъ водородъ, кислородъ, но каждый будетъ отстаивать здѣсь свое опредѣленіе, отстаивать до нетерпимости чужихъ формулъ... Чтобы вы могли гарантировать себя отъ этой, быть можетъ, нашей односто-

¹⁾ „Вѣст. Зн.“, 1903, кп. 9.

ронности, вы должны сами войти въ лабораторію науки и провѣрить эти формулы.

Затѣмъ, вѣдь многіе изъ васъ будутъ общественными дѣятелями, а для этого нужно овладѣть „общественнымъ анализомъ“: условія жизни разнообразны, и мы готовыхъ формулъ, пригодныхъ на всѣ времена и случаи жизни, давать не можемъ.

При изученіи пусть каждый идетъ своимъ путемъ... Чтобы объять предметъ, его нужно осмотрѣть съ нѣсколькихъ пунктовъ. То же самое и при изученіи извѣстной отрасли знанія—нужно знакомиться съ разными направленіями: каждое направление освѣщаетъ своимъ свѣтомъ какую-нибудь часть, которая ранѣе оставалась въ тѣни.

Когда вступаютъ въ область науки, то, что всего болѣе затрудняетъ—это *масса направлений*: здѣсь какъ бы разставлены столбы съ нарисованными на нихъ руками, указывающими разныя направленія. Куда же идти? Каждый стремится поставить свой столбъ и непременно пропишетъ свое имя, рекомендуя именно этотъ путь, и вся дорога испещрена указателями: направо, налево... Историки указываютъ одно направленіе, социаль-политики—другое. Куда идти? Начинаящій останавливается въ недоумѣніи. Что же можетъ служить критеріемъ въ выборѣ пути? Конечно, только продуктивность работы, но это дается только въ будущемъ, когда лицо ознакомится съ условіями работы подъ разными знаками.

Мы предлагаемъ тотъ путь, который кажется наиболѣе вѣрнымъ, наиболѣе ведущимъ къ цѣли; но необходимо испробовать нѣсколько путей, такъ какъ только собственный опытъ создаетъ твердую убѣжденность въ разѣ избранномъ пути... Наше же дѣло—зажечь желаніе искать эти пункты: съ одного пункта нельзя объять весь предметъ, но вы увидите какую-нибудь сторону яснѣе, чѣмъ съ другихъ пунктовъ; такъ, чтобы правильно представить себѣ очертаніе извѣстной горы, приходится осматривать ее съ нѣсколькихъ сторонъ. Если вы путешествуете по Швейцаріи и хотите ознакомиться съ мѣстностью, вы осматриваете ее съ нѣсколькихъ пунктовъ, отыскивая для этого нѣсколько такъ называемыхъ „Aussichtspunkt“.

Но надо помнить, что главное при изученіи науки — набрать опредѣленное количество выводовъ, а научиться

взбираться на вершину знанія, добывать факты и дѣлать свои собственные выводы... Не тотъ знаетъ науку или ученъ, кто знаетъ много готовыхъ формулъ, выводовъ, а тотъ, кто умѣетъ разобраться, умѣетъ работать, кто самъ является архитекторомъ въ храмѣ знанія...

Ища новыхъ фактовъ и новыхъ выводовъ, нужно вглядываться въ вопросъ до тѣхъ поръ, пока не будетъ схваченъ онъ въ новомъ освѣщеніи.

Наше дѣло показать эти разные пункты, эти разныя точки зрѣнія и познакомить, какъ производится осмотръ, какъ дѣлаютъ выводы, исходя изъ какого-нибудь одного пункта, а тамъ уже вы сами должны искать этихъ новыхъ точекъ зрѣнія.

Для этого нужно прежде всего знакомиться съ самой жизнью, знакомиться въ литературѣ съ авторами самыхъ разнообразныхъ направленій; какъ бы абсурдно то или другое направленіе ни было, но разъ оно что-нибудь освѣщаетъ новымъ свѣтомъ и дѣйствуетъ возбуждающимъ образомъ, съ нимъ надо знакомиться... Нужно *брать факты отовсюду* — изъ жизни, изъ повседневныхъ газетъ, изъ книгъ... По справедливому выраженію Градовскаго, „газеты — текущая лѣтопись“, но нужно знать цѣнность фактовъ: фактъ самъ по себѣ не имѣетъ цѣны. Какъ сѣмя для пахаря имѣетъ значеніе лишь постольку, поскольку изъ него вырастаетъ растеніе, такъ и факты имѣютъ значеніе лишь постольку, поскольку изъ нихъ дѣлаются выводы, и потому консервировать нужно только самые основные, самые характерные факты, а остальные важны, поскольку они утилизируются для какихъ-нибудь выводовъ. Фактъ въ конкретной формѣ можетъ затѣмъ исчезнуть изъ памяти, но этимъ нечего смущаться: онъ въ переработанномъ видѣ оказалъ свое вліяніе... Когда моютъ бѣлье, наливаютъ много воды, — вода стекаетъ, тѣмъ не менѣе результатъ отъ нея — бѣлизна бѣлья — остается...

Какъ цвѣтокъ, принесенный съ поля, служить предметомъ преподаванія, такъ и газетный листъ... Исторія готовится насъ къ пониманію дѣйствительности; связь исторіи съ настоящимъ должна быть показана, иначе — исторія будетъ мертвой. Мы можемъ пользоваться газетной статьей, повторяемъ, такъ же, какъ ботаникъ живымъ растеніемъ. Какой богатый матеріалъ даетъ для историческихъ экскурсій какая-либо стачка гдѣ-нибудь въ Англии!

А выборы въ Германіи? Учащійся наглядно увидитъ, что наука на самомъ дѣлѣ освѣщаетъ настоящее и грядущее.

Газета для насъ должна быть тѣмъ же, чѣмъ служить лѣсъ для ботаника, зоолога; этимъ послѣднимъ рекомендуется дѣлать экскурсіи въ лѣсу, какъ и мы должны дѣлать экскурсіи въ творящуюся предъ нашими глазами книгу исторіи...

Нужно учиться понимать *самую жизнь, разбираться въ фактахъ* жизни. Только такимъ путемъ можно выработать самостоятельность мысли. Но, конечно, факты имѣютъ значеніе только для тѣхъ, кто умѣетъ обрабатывать ихъ; факты — это руда, изъ которой при умѣннн мы получаемъ чистый металлъ. Невѣжественныя лица, которыя не умѣютъ оперировать съ положительнымъ матеріаломъ, относятся пренебрежительно къ собиранію и обработкѣ фактическаго матеріала; но здѣсь они расписываются въ свѣемъ собственномъ невѣжествѣ, въ своей неспособности воспринимать свѣжую, непережеванную пищу. Ихъ умственный желудокъ такъ устроенъ, что они могутъ воспринимать пищу только чрезъ соску; это—младенцы въ наукѣ и научной мысли. Къ сожалѣнію, такъ какъ наше общество такой же еще младенецъ въ наукѣ, то у насъ такіе научные младенцы стоятъ въ цѣнѣ... И мы слышимъ проповѣдь о всеобщей соскѣ: не надо жевать тогда...

Факты жизни—это золотыя розсыпи. Конечно, нѣкоторыя и изъ золотой розсыпи извлекутъ только кварцъ, просто песокъ, но здѣсь уже виновато ихъ неумѣніе, а не методъ...

Иначе мы рискуемъ, по выраженію Герцена, занять въ наукѣ и обществѣ мѣсто второго желудка животныхъ, жующихъ жвачку; въ него никогда не попадаетъ свѣжая пища,—одна старая пережеванная, такая, которую жуютъ такъ, изъ удовольствія жевать.

Но наша наука освѣщаетъ еще немного, при свѣтѣ ея обрисовываются лишь неясныя контуры окружающаго, и потому нерѣдко придется стоять предъ фактами въ недоумѣннн; не нужно, однако, это недоумѣніе прикрывать малозначащими фразами, пусть лучше любопытство остается неудовлетвореннымъ, пусть это неудовлетворенное любопытство будетъ той зіяющей пропастью, которая такъ тянетъ насъ къ себѣ, и мы сумѣемъ обойти ее и найти дорогу, из-

бѣгнувъ опасности. Покрывая же легкимъ покровомъ полужнаніе, мы, не замѣчая опасности, можемъ рухнуть въ зіяющую пропасть невѣжества... Незнаніе — мать знанія, и нужно быть храбымъ предъ самимъ собой, имѣть мужество признаваться иногда въ безсиліи пока научнаго свѣта...

Нужно быть храбыми, чтобы разстаться со многими нашими предвзятыми мнѣніями, нашими воззрѣніями, коренившимися въ нашей убѣжденности... Хорошо говоритъ Нитцше: „убѣжденія — болѣе опасные враги для истины, чѣмъ ложь. Человѣкъ убѣжденія не есть человѣкъ научнаго мышленія; онъ находится еще въ періодѣ теоретической невинности: онъ еще дитя, какимъ бы взрослымъ онъ ни былъ“¹⁾...

И если на многіе вопросы наука не дастъ отвѣта, то знаніе освободитъ отъ многихъ иллюзій, уже приобрѣтенныхъ нами.

Изъ богатой сокровищницы знанія нужно стремиться захватывать какъ можно больше... Иначе получится впечатлѣніе, какъ будто человѣкъ бродитъ въ узкой котловинѣ, отъ дерева къ дереву, отдѣленный отъ міра высокой скалой... Ему здѣсь душно... Нѣтъ, нужно помнить, что всякая общественная наука есть часть социологіи, окно въ послѣднюю, и научное знаніе только выиграетъ, если мы будемъ шире ставить вопросъ. Тогда намъ будутъ открываться болѣе широкія перспективы: мы должны взбираться на вершину знанія, а не оставаться у подножія его; но, стремясь къ широкимъ перспективамъ, мы должны помнить, что относительно многихъ вопросовъ мы въ теченіе нашей жизни останемся только рядовыми, и наша задача будетъ состоять только въ томъ, чтобы носить кирпичи для фундамента храма знанія...

При юности нашей науки намъ приходится больше сѣять, чѣмъ пожинать, и этимъ сѣменемъ служатъ факты, выхваченные нами изъ жизни; поэтому, кто научно хочетъ работать, тотъ долженъ особенно присматриваться къ самой жизни, вѣчно новой, и къ специальной литературѣ, которая

¹⁾ „Ueberzeugungen sind gefährlichere Feinde der Wahrheit als Lügen.

Der Mensch der Ueberzeugungen nicht der Mensch der Wissenschaftl. Denkens; er steht im Alter der theoretischen Unschuld vor uns und ist ein Kind wie erwachsen er auch sein mag.“

отражаетъ въ себѣ ея ростъ: только такимъ путемъ можно получить свѣжее, а не перемолотое уже сѣмя для посѣвовъ на научной нивѣ.

Не налѣпляйте слишкомъ поспѣшно этикетокъ, не укладывайте всего разнообразія жизни на прокрустово ложе теорій... Наклейте наскоро этикетку—это значитъ, нерѣдко, похоронить вопросъ, погубить сѣмя, которое, быть можетъ, дало бы плоды. Такія скороспѣлыя этикетки—цѣпи на нашу мысль... колодки на ногахъ заключенныхъ, да и мы сами тогда ни болѣе, ни менѣе какъ рабы, жалкіе рабы, распростертыя ницъ у этихъ этикетокъ старыхъ теорій и не держающіе смотрѣть прямо въ лицо широкой, необъятной жизни...

Приобрѣтите орлиную смѣлость смотрѣть безтрепетно въ лицо жизни. Слово нѣтъ, намъ уютнѣе въ искусственномъ помѣщеніи нашихъ теорій; этотъ міръ слишкомъ великъ для людей, ходящихъ въ шорахъ... и строимъ мы жалкія жилища, маленькія, тѣсныя, изъ нашихъ теорій.

Много теорій, болѣе чѣмъ спорныхъ, въ которыя не укладывается жизнь, и которыя разбиваются при первомъ соприкосновеніи съ жизнью. Про нихъ можно сказать словами Рескина: „онѣ очень сильны въ кабинетахъ, но безсильны подъ открытымъ небомъ, въ чистомъ полѣ и у быстрыхъ потоковъ“, и при научномъ занятіи нельзя довѣряться многимъ изъ нихъ, и многія нужно самому провѣрять. Необходимость обременять себя знаніемъ всѣхъ этихъ теорій болѣе чѣмъ сомнительна: „я не представляю себѣ большаго адскаго наказанія для грѣховныхъ политико-экономовъ, — говоритъ Зомбартъ („Идеалы соціальной политики“),—какъ если бы ихъ заставили ежедневно изучать теоріи о капиталѣ и производительности труда“... То же самое можно сказать и относительно другихъ теорій.

Итакъ, при изученіи для насъ должна быть важна сама жизнь, вѣчно движущаяся, вѣчно творящая новыя формы, но важно и то, какъ эта жизнь отражается въ головахъ выдающихся людей—въ этихъ фокусахъ человѣческой мысли; зато не такъ важно, а часто и совсѣмъ не важно, — говоритъ Герценъ, — какъ эта самая жизнь отражается въ головѣ какого-нибудь цехового ученаго, создавшаго себѣ свои собственныя плохенькія очки. Нерѣдко, господа, считается необходимымъ знать, какъ эта жизнь отпечаталась въ голо-

вахъ всѣхъ этихъ служителей науки, и въ то же время держать въ головѣ, что все это не такъ, что все это вздоръ. Я, господа, освобождаю васъ отъ этого. Эти теоріи нерѣдко—просто бѣльмо на глазу, по словамъ одного публициста: ихъ надо прежде срѣзать, чтобы увидѣть свѣтъ. Я не противъ теоріи, но высшія обобщенія даются только глубокимъ умамъ, а на такіе природа скупа, теоріи же, измышленныя ремесленниками науки,—жалкія подражанія маляра картинамъ Мурильо: правда, онѣ отличны отъ оригинала, но именно тѣмъ, чѣмъ отличается картина Рафаэля отъ вывѣски бакалейщика... Эти теоріи всего труднѣе изучать, именно потому, что онѣ вышли не изъ рукъ настоящаго художника мысли, а изъ рукъ чернорабочихъ; у нихъ нѣтъ оригинальности.

Нерѣдко ученые изучаютъ не жизнь, а самихъ себя, эти исковерканныя отраженія жизни въ нихъ самихъ; не обращаясь къ жизни совсѣмъ или въ очень рѣдкихъ случаяхъ, они строятъ свое собственное представленіе о ней по этимъ изуродованнымъ оттискамъ.

Итакъ, умѣйте цѣнить теорію по ея достоинству... а прежде всего—ближе къ жизни, сюда, господа, сюда, къ жизни, къ самой жизни идите съ вашимъ анализомъ, здѣсь много золота. Правда, оно лежитъ на днѣ, но не унывайте, вы будете вознаграждены. Какую бы сторону жизни вы ни взяли, вы всегда найдете около нея людей, которыхъ собственный интересъ побуждаетъ слѣдить и изучать всѣ малѣйшія движенія этой жизни: они точно отражаютъ эту жизнь, они являются какъ бы фокусами данной частицы ея, и чтобы изучить тотъ или другой вопросъ, идите сюда, идите къ этому аппарату и читайте ленту, которая безпрестанно выходитъ изъ него. Эти фонографы разставлены вездѣ; пробейте себѣ только дорогу къ нимъ,—я разумѣю специальную литературу, специальные журналы, посвященные тому или другому вопросу,—черпайте ваши познанія отсюда. Правда, здѣсь нерѣдко жизнь искажается подъ влияніемъ интереса, но вѣдь уясненіе этой связи — уже научное приобрѣтеніе.

Сегодня предъ вами одни факты, завтра мѣняющаяся жизнь внесетъ другіе, и выводы, сдѣланные изъ первой группы фактовъ, уже не годятся, будутъ односторонни, поэтому-то главная задача—добывать факты и самимъ творить

изъ нихъ. Здѣсь человекъ какъ бы самъ лѣпитъ новыя формы, знакомится съ приемами работы, и при этомъ надо брать ровно столько сырого матеріала, сколько нужно для того, чтобы быть въ состояніи дѣлать изъ него выводы, иначе эти факты будутъ бревнами, лежащими на дорогѣ къ знанію, и ихъ нужно обходить, а не тащить за собою, такъ какъ если вы будете обременены этимъ излишнимъ грузомъ, совершенно бесполезнымъ для цѣлей науки, то едва ли дойдете до цѣли вашего путешествія, едва ли вы взойдете съ такимъ излишнимъ грузомъ на крутую и довольно трудную для подъема гору знанія. Конечно, нѣтъ основанія удерживать всѣ эти факты въ головѣ; вѣдь факты—это глина для нашего творчества, и ея надо брать ровно столько, сколько нужно для переработки: это все равно, какъ если бы къ намъ предъявляли требованіе всегда носить въ желѣдкѣ пищу, которую мы ѣдимъ.

Нѣкоторыхъ смущаетъ, что они много читаютъ, но мало запоминаютъ; дѣло не въ томъ, дѣло—въ переваркѣ.

Найти матеріалъ, надъ которымъ надо работать, матеріалъ, годный для постройки, не легко, но не забывайте, что этотъ матеріалъ окруженъ балластомъ, и надо умѣть очищать его,—эта предварительная работа требуетъ много времени; однако, помните, что все дѣло въ разработкѣ матеріала...

Если вы хотите сдѣлаться столяромъ, вы не будете смотрѣть, какъ работаютъ другіе; каждый столяръ мальчишку, желающаго обучиться у него, заставитъ работать самого. Такъ и мы, занимаясь наукой, не должны ограничивать свою роль только созерцаніемъ, какъ работаютъ другіе, не должны суживать свою задачу только до собиранія матеріала: лицо, только покупающее хотя бы и весь лѣсъ на базарѣ, не сдѣлается чрезъ это хорошимъ столяромъ.

Итакъ, задачи университетскаго преподаванія должны быть: научить людей самостоятельно работать, познакомить ихъ съ приемами работы, а не давать только готовыя формулы. Вѣдь жизнь мѣняется, придется вырабатывать новыя формулы на новомъ матеріалѣ—нѣтъ, надо умѣть разбираться въ матеріалѣ, умѣть ставить себѣ научную задачу, понять зависимость ея отъ свойства матеріала.

Нужно знакомиться съ литературой, откуда мы беремъ данныя, со статистическими сборниками, справочными книгами, библіографіей... такъ, чтобы при желаніи, при извѣст-

номъ навѣкъ, лицо всегда могло найти нужную ему литературу по данному вопросу, который поставить передъ нимъ жизнь. Надо, чтобы въ наукѣ вы стояли на собственныхъ ногахъ и въ каждый данный моментъ могли ориентироваться.

Приемы работы—это машина, посредствомъ которой изъ кварца извлекается золото, и вы, не имѣя ея, будете проходить мимо, эти золотыя розсыпи не будутъ васъ интересовать... и жизнь надоѣсть: не будетъ красокъ... А въ ней вкраплены драгоценныя факты для науки—самородки... золото тамъ внизу... Знаніе создастъ вамъ другой міръ.

Ваша задача не помы подметать въ храмѣ знанія, а быть священникомъ его, войти въ его святая святыхъ...

Убѣжденъ, что многіе съ большой долей скептицизма будутъ смотрѣть на эти рецепты научныхъ занятій и скажутъ: „мы собирали и пробовали ѣсть плоды знанія, но они несъѣдобны, мало толку отъ нихъ“. Правда, есть сухіе плоды, несъѣдобные, но дѣло, повторяю, не въ голыхъ фактахъ, а въ ихъ освѣщеніи, въ переработкѣ: съ вами не должно случиться то, что нерѣдко бываетъ съ людьми, о которыхъ говорятъ: „они прослушали всѣ звуки, но гармоніи не слышали“. Обработывая свою полосу, вы должны бросать ваши взоры и на все поле. Входите же въ храмъ науки, но окньте взоромъ вашимъ все величіе его, и да не случится съ вами того, чтобы вы увидѣли камни и не замѣтили самага храма.

Какой толкъ въ хлопкѣ, пока онъ не переработанъ, въ золотѣ, когда оно не отдѣлено отъ кварцевыхъ породъ? Такъ же мало значить и фактъ, пока онъ не переработанъ... Мы имѣемъ передъ собой въ настоящее время груды фактовъ, но научный свѣтъ направляемъ на нихъ очень скудный, мы схватываемъ лишь отдѣльные факты, а не совокупность ихъ, отсюда и нѣкоторое разочарованіе въ наукѣ; но нужно, во-первыхъ, провести точныя границы, чего мы вправѣ требовать отъ научнаго знанія, а во-вторыхъ, какъ его добывать. Не касаясь перваго, мы замѣтимъ, что нужно брать, какъ уже было замѣчено, факты изъ самой жизни и подвергать ихъ своего рода прессованію, и только тогда получится результатъ,—такъ виноградарь получаетъ вино... Только такое творчество доставляетъ наслажденіе, иначе таскать матеріалы скоро надоѣсть, мы—не вьючныя животныя...

Мы—творцы, и ими должны остаться и въ наукѣ и въ жизни...

Моя задача предъ вами—показать вамъ во всемъ объемѣ финансовую жизнь, другими словами: дать вамъ фотографію финансовой жизни въ ея *цѣломъ* и затѣмъ объяснить ее, насколько позволяетъ это современное состояніе науки. Вы всѣ видите какую-либо часть финансовой жизни, съ ея борьбой, страстями, но вы видите только часть. Я при фотографированіи долженъ пытаться представить жизнь не въ застывшихъ ея формахъ, а въ *движеніи*: вѣдь изучать физиологію нельзя по скелету, а въ нашей наукѣ на первомъ планѣ стоитъ динамика, а не статика, поэтому нашей задачей должно быть воспроизведеніе жизни во всемъ ея разнообразіи. Пусть развернутся передъ нами эти вѣчно мѣняющіяся формы финансовой жизни, пусть ворвется къ намъ *сама жизнь съ ея шумомъ, борьбой, страстями*, но не для того, чтобы оглушить насъ, а для того, чтобы мы этотъ шумъ и гамъ могли подвергнуть такому же анализу, какому химикъ подвергаетъ неизвѣстное ему сложное тѣло, чтобы найти его составныя части,—и по этимъ громкимъ голосамъ жизни мы узнаемъ, *кто и за что* борется.

Вы знаете, что для изученія надо спокойное настроеніе, чтобы въ состояніи изучать *объективно*... Ваша возмущающаяся совѣсть говоритъ о добромъ сердцѣ, говоритъ о томъ, что вы обладаете тѣмъ, что выше всего въ человѣкѣ, но сердце—плохой проводникъ въ лѣсу знанія: оно заведетъ васъ въ другую сторону. Сердце ваше можетъ направить васъ на арену общественныхъ наукъ, оно—властно, быть можетъ, нѣкоторымъ изъ васъ приказало отдаться имъ и готово идти съ вами, быть вашимъ руководителемъ въ этомъ путешествіи, но не идите съ нимъ. Послушайте его совѣта, идите къ горѣ знанія, но самого совѣтчика оставьте у подножія горы...

Теперь многихъ сердце побуждаетъ идти изучать общественныя науки: припомните умирающихъ отъ голода въ Лондонѣ и рядомъ головокружительное богатство, смерть отъ голода *не въ пустынь*, а въ городѣ, среди груды мяса, хлѣба, гдѣ въ магазинахъ милліонныя бриліанты... Но немногіе идутъ вѣрнымъ путемъ, немногіе умѣютъ выбрать хорошаго надежнаго гида: вы хотите взобраться на глетчеръ, вы заботитесь о гидѣ—такъ и въ общественныхъ наукахъ...